Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Оссуарий с городища Дальварзинтепа

Дж. Я. Ильясов¹

Аннотация. Статья посвящена керамическому оссуарию, найденному на городище Дальварзинтепа (Южный Узбекистан) в погребальном сооружении — склепе, вырубленном в толще оплывшей городской стены кушанского периода. Оссуарный обряд не характерен для раннесредневекового Северного Тохаристана, поэтому находка является уникальной и представляет большой интерес. Автор предпринимает попытку объяснить причины появления данного артефакта на Дальварзинтепе.

Annotation. The article is devoted to a ceramic ossuary found at the urban settlement site of Dal'varzintepa (Southern Uzbekistan) in a burial structure — a crypt cut into the thickness of a swollen city wall of the Kushan period. The ossuary rite was not typical for the Early Medieval Northern Tokharistan, and so the find is unique and of great interest. The author has attempted to explain the reasons for the appearance of this artifact in Dal'varzintepa.

Ключевые слова: Северный Тохаристан, Дальварзинтепа, раннее средневековье, погребальный обряд, оссуарий, терракота.

Keywords: Northern Tokharistan, Dal'varzintepa, Early Medieval times, funeral rite, ossuary, terracotta.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-338-346

Керамический оссуарий, найденный на городище Дальварзинтепа (Сурхандарьинская область Республики Узбекистан), был кратко описан в публикации Б. А. Тургунова (Тургунов, 2007. С. 194–197). Но он, несомненно, заслуживает того, чтобы обратиться к его рассмотрению вновь.

По отношению к данной находке уместно употребить определение «уникальный», поскольку для Северной Бактрии — Тохаристана использование в погребальном обряде оссуариев не характерно. Здесь в период раннего средневековья, к которому относится рассматриваемая находка, практиковались погребения в склепах, вырубленных в склонах естественных холмов, например, Биттепа в Узунском районе Сурхандарьинской области (Ртвеладзе, 1986) или в толще оплывших крепостных стен, как на Дальварзинтепа (Болелов, 1999; Тургунов, 1999), либо в заброшенных буддийских пещерах, жилых помещениях, коридорах и башнях, как на Каратепа, Чингизтепа (Пидаев, Като, 2004. С. 151; 2006. С. 184–185;

Мустафакулов, 2006. С. 164–171) и на Кургане в Старом Термезе (Козловский, Шейко, 1989. С. 55–56), либо в специально построенных погребальных сооружениях (Ртвеладзе, 2004; Ильясов, 2011; Абдуллоев, 2015)². В некоторых некрополях

² Эти погребальные сооружения, часто называемые в научной литературе наусами, состояли, как нам впервые удалось выявить при раскопках некрополя, расположенного к северу от городища Дабилькурбан в Пашхуртской котловине, из двух смежных помещений с четко разграниченными функциями. Одно из них имело прямоугольную в плане форму, перекрывалось сводом и предназначалось для последовательных трупоположений, а второе, имевшее квадратный план и перекрытое куполом, служило для поминальных обрядов. Входы в каждое из помещений осуществлялись с противоположных сторон (Ильясов, 2011. С. 123–127, рис. 2). Д. Абдуллоев, судя по его итоговой публикации шуробкурбанских наусов, сделанной в 2015 г., остался, к сожалению, в полном неведении относительно раскопок дабилькурбанских наусов, результаты которых были опубликованы мной неоднократно, в том числе и в российских изданиях. Жаль, так как, по моему убеждению, шуробкурбанские наусы имели такую же конструкцию, и в них первоначально также существовало,

¹ Институт искусствознания АН Республики Узбекистан; Мустакиллик майдони, 2, Ташкент, 100029, Узбекистан; e-mail: jangaril@hotmail.com.

найжены подкурганые захоронения со следами кремации (Дуке, 1975). Имеются захоронения в хумах (Альбаум, 1966. С. 63), а также редкие случаи использования керамических гробов (Ртвеладзе, 1989. С. 61–62; Ильясов и др., 1997; Ильясов, 2006) и ящиков (Соловьев, 1997. С. 148, рис. 83/2). В целом, погребальные обряды раннесредневековой Бактрии–Тохаристана довольно подробно рассмотрены Э. В. Ртвеладзе и В. С. Соловьевым (Ртвеладзе, 1989; Соловьев, 1997. С. 144–153).

Как известно, остатки мощной цитадели Дальварзинтепа — одного из крупнейших городов кушанского периода в долине Сурхандарьи — в раннесредневековый период были использованы под некрополь. Это произошло после того, как жизнь на основной территории города прекратилась в результате хионитского или эфталитского завоевания. В VI–VIII вв. на территории заброшенной цитадели возникло небольшое поселение, жители которого приспособили под захоронения в склепах оплывшие городские стены, в частности, южную оконечность восточной (строго говоря, юго-восточной) стены шахристана. Склепы, собственно, были выявлены и раскопаны С. Б. Болеловым в 1981 г. при изучении крепости на данном участке (так называемый бастион и отрезок крепостной стены), получившем шифр ДТ-24 (Болелов, 1999). После значительного перерыва, в 2006 г., под руководством начальника УзбекИскЭ Б. А. Тургунова были проведены работы по изучению склепов, также вырубленных в крепостной стене, но уже с внешней стороны, у ее подножия. Их обнаружению способствовала деятельность местных жителей, которые, расширяя

свои земельные участки, подобрались вплотную к крепостной стене. В 2006 г. были раскопаны, как пишет Б. А. Тургунов, «шесть погребений разных размеров и форм»; интересующий нас объект происходит из «погребения № 1». Этот некрополь назван могильником № 2, его полевой шифр — ДТ-32 (Тургунов, 2007. С. 194). Описание погребального сооружения № 1 и точные обстоятельства находки автором первой публикации не приводятся. Опрос руководителя работ, к сожалению, не позволил прояснить картину. В статье о монетных находках из второго могильника, написанной А. Н. Гориным «по свежим следам», говорится о том, что деление на первый и второй могильники является скорее условным, и о том, что «к настоящему моменту» на нем вскрыто три склепа, вырубленных во внешнем оплыве юго-восточной городской стены, у ее подошвы, на уровне -13 м ниже ее гребня (Горин, 2007. С. 87). Местные жители наполовину вскрыли вход в склеп № 1, в котором и был найден интересующий нас объект.

Итак, в склепе № 1 было найдено крупное керамическое изделие своеобразной формы (рис. 1; 2). Предмет имеет в плане форму вытянутого овала. Дно плоское, на четырех сплошных ножках цилиндрической формы. Устье с горизонтальной полочкой для крышки по периметру окружено 24 вертикальными треугольными выступами (шесть из них отбиты). Крышка не сохранилась. На боковых сторонах осталось по два следа от двух крупных продолговатых, располагавшихся вертикально налепов (рис. 2, 1); возможно, это были ручки для переноски оссуария, но они не сохранились. На лицевой стороне при помощи штампа семь раз оттиснуто по сырой глине изображение мужчины в доспехах (рис. 1, 1; 2, 2). В правой руке он держит копье, левая рука опирается на рукоять меча, висящего на левом боку. Оттиски выполнены с разной степенью четкости, тем не менее хорошо видно, что использовался один и тот же штамп. Высота оттисков 13 см, ширина 6 см. По отношению к зрителю оттиски на лицевой стенке оссуария расположены несколько несимметрично, со сдвигом влево. На боковых и задней стенках оттисков штампа нет, однако декор имеется. Между налепами на боковых сторонах и на половине задней стенки по сырой глине нанесены круглые оттиски. По бокам они идут в девять рядов, в рядах — по 8–9 кружков (рис. 2, 1). На задней стенке кружки занимают ее верхнюю часть и сконцентрированы на левой половине оссуария (рис. 1, 2).

по-видимому, разделение функций двух помещений. В дальнейшем, из-за нехватки места, в помещения для молитв также стали помещать покойников, поэтому исследователи наусов Шуроб-Кургана не могли уловить это разделение, что вполне объяснимо. Что касается обряда, то подчеркнем, что в дабилькурганском некрополе четко видно, что никаких расчлененных скелетов в наусы не помещали. Здесь только сдвигали скелеты при последующих захоронениях, а еще одной причиной беспорядочного расположения костей были грабежи, следовавшие после того, как некрополь перестал функционировать, видимо, после усиления ислама в IX в., а также обрушение сводов. Видимо, и в случае с шуробкурганскими наусами мы имеем дело не с захоронением очищенных костей, а с аналогичными явлениями.

Рис. 1. Осуарий из Дальварзинтепа: 1 — вид спереди; 2 — вид сзади
Fig. 1. Ossuary from Dal'varzintepa: 1 — front view; 2 — rear view

Рис. 2. Оссуарий из Дальварзинтепа: 1 — вид сбоку; 2 — оттиски на его передней стенке

Fig. 2. Ossuary from Dal'varzintepa: 1 — side view; 2 — stamps on its front wall

Внутри на дно оссуария также по сырой глине нанесены насечки. Размеры оссуария: по дну 76 × 36 см, общая высота 42–43 см, высота ножек 7,0–7,5 см, устье — 61,5×21 см.

Как уже сказано, оссуарный обряд не характерен для Бактрии–Тохаристана, хотя отдельные находки, относящиеся к нему, изредка упоминаются. В некоторых случаях, это, возможно, были не оссуарии, а фрагменты керамических гробов. Например, первый исследователь Дальварзинтепа замечательный археолог Л. И. Альбаум, сделавший много выдающихся открытий в Сурхандарьинской области, упоминает мелкие фрагменты и половину оссуария овальной формы, найденные им в округе данного памятника (Альбаум, 1966. С. 64). В то время, когда керамические гробы, позже найденные на Каратепа (в Шурчинском районе) и на Дальварзинтепа, еще не были известны, он мог принять их обломки за фрагменты оссуариев. Позже, изучая погребальные сооружения и погребальный обряд в Северном Тохаристане, Э. В. Ртвеладзе предположил, что находки Л. И. Альбаума — это, скорее, обломки

гробов, а не оссуариев (Ртвеладзе, 1989. С. 62). С другой стороны, в свете новой находки, трудно утверждать это с уверенностью — не исключено, что Л. И. Альбаум все-таки находил фрагменты оссуариев во время своих обследований Дальварзинтепа.

Кроме того, фрагмент керамического толсто-стенного сосуда, имевшего, судя по венчику, прямоугольные очертания и украшенного налепом с оттиском в виде женского лица под аркой (или шарфом над головой?) и налепом в виде головы быка, был найден в 1996 г. при совместных раскопках УзИскЭ и токийского Музея Древнего Востока (Ancient Orient Museum, Tokyo) на цитадели Дальварзинтепа. Публикуя его, я высказал предположение, что это фрагмент оссуария (Ильясов, 1997. С. 44, рис. 21, 4)³. В книге по искусству

³ Что касается интерпретации декора данного фрагмента, то японские коллеги высказали предварительное предположение о том, что голова быка могла символизировать луну или плодородие, а женский образ, возможно, воплощает образ божества легкого бриза (Аура) или богиню ночи (Tanabe et al., 1997. P. 102, 109).

раннесредневекового Тохаристана это мнение поддержал В. С. Соловьев (Соловьев, 2007. С. 73, рис. 27). Он считает фрагментом оссуария также керамический рельеф со сценой нападения льва на всадника, найденный на городище Кафиркала в Вахшской долине (Там же. С. 73–75, рис. 28).

Итак, после публикуемой здесь находки, сделанной на Дальварзинтепа, не остается сомнений, что оссуарный обряд захоронения, пусть и изредка, применялся в долине Сурхандарьи, то есть в Северо-Западном Тохаристане. Сам по себе этот факт интересен и важен, но есть еще одно существенное обстоятельство: для украшения передней стенки оссуария был использован штамп, а точнее матрица, уже хорошо известная по находкам не менее трех, целых и фрагментированных, терракотовых плиток, сделанных при совместных раскопках УзИскЭ и Музея Древнего Востока на цитадели Дальварзинтепа в 1996–2000 гг. (Tanabe et al., 1997. P. 113; 1998a. P. 191–192, fig. 28; 1998b. P. 99, fig. 25; 2000. P. 140–141, fig. 34; 2001. P. 136–137, fig. 65, 66; Русанов, 2000. С. 5, рис. 24). На плитках изображен стоящий под стрельчатой аркой воин в доспехах и шлеме, вооруженный копьем и мечом (рис. 3, 1). Мной было высказано предположение, что это один из «Бессмертных Святых» (Амеша Спента) зороастрийского пантеона — Шахревар, иконография которого известна по монетам кушанских царей Канишки I, правившего ок. 127–150 гг., и Хувишки, правившего ок. 151–190 гг. (рис. 3, 2), а в совместной работе с Т. К. Мкртычевым мы попытались определить место этого образа в ряду терракотовых плакеток, широко распространенных в VI–VIII вв. в Тохаристане и особенно в Согде как вид изделий массового декоративно-прикладного искусства с очевидным идеологическим содержанием (Ильясов, 1999. С. 141–142; 2000. С. 156–157; Мкртычев, Ильясов, 2005. С. 499, 506–513, табл. I, 2; II, 2; V, 1; VI, 3).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что при изготовлении дальварзинского оссуария была использована та же или такая же матрица, что и при изготовлении терракотовых плиток.

Б. А. Тургунов датирует оссуарий VII–VIII вв., при этом он опирается на косвенные признаки: находка в погребении № 2 того же некрополя нескольких монет, определенных А. Н. Гориным как принадлежащие к чаганианским выпускам середины VII — третьей четверти VIII в. (Горин, 2007. С. 87–91), а также на то, что поселение

Рис. 3. Терракотовая плакетка с цитадели Дальварзинтепа (1) и изображение Шахреvara на монете кушанского царя Хувишки (151–190 гг.) (2)

Fig. 3. Terracotta plaque from the citadel of Dal'varzintepa (1) and Shakhrevar on a gold coin of the Kushan king Huvishka (AD 151–190) (2)

на цитадели, при раскопках которого были найдены терракотовые образки, тоже датировано этим временем (Тургунов, 2007. С. 195).

Собственно говоря, на констатации важного научного факта, доказывающего, что в VII–VIII вв. оссуарный обряд хотя бы изредка применялся в Тохаристане, и можно было бы поставить точку в нашей статье. Однако есть еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться. Поскольку археология (иначе называемая еще и историей материальной культуры) является частью исторической науки, а история — это часть комплекса гуманитарных и социальных, то есть связанных с человеком, наук, было бы, наверное, правильным хотя бы время от времени за предметами, находимыми при археологических раскопках, пытаться, по возможности, увидеть некую «человеческую историю». Мне представляется, что заново публикуемая здесь находка с Дальварзинтепа дает возможность одну такую драматическую историю представить.

Прежде всего, начнем с уже не раз отмеченного факта — оссуарный обряд в целом был абсолютно чужд населению Тохаристана. Но при этом был чрезвычайно распространен в соседнем Согде. Соответственно, в Тохаристане у гончаров не было навыка изготовления оссуариев, которые делались либо способом оттиска глиняных плиток в специальных формах, с дальнейшей

сборкой из них прямоугольных ящиков, либо лепились ленточным способом, как крупные керамические сосуды, а затем украшались с помощью резьбы, прочерченных линий, штампов, налепов и — очень редко! — росписей. Лишенный определенного изящества, свойственного керамическим костехранилищам, довольно грубо исполненный дальварзинский оссуарий — яркое свидетельство того, что его делал человек, неискушенный в изготовлении таких предметов⁴. Показателен и его крупный размер. При обычном размере согдийских и чачских оссуариев, имевших длину около 50 см, ширину и высоту (без учета крышки) около 25–30 см⁵, дальварзинский предмет с его длиной в 76 см и высотой в 43 см выглядит явным «переростком». И это является еще одним свидетельством того, что вещь делалась без четкого представления, как, собственно, выглядят оссуарии. Ведь слишком крупный размер — это не только лишний расход материала и дополнительные трудности с обжигом, но еще и лишний вес конечного изделия и связанные с этим дополнительные трудности транспортировки. Вероятно, неслучайно мы видим на рассматриваемом оссуарии следы от оторвавшихся налепов-ручек (рис. 2, 1).

Исходя из этого, можно реконструировать следующую ситуацию: смерть настигла некоего согдийца, скажем, купца, прибывшего по торговым делам в поселок/городок⁶, возникший на

⁴ Конечно, даже согдийские оссуарии, скажем, находки из Пенджикентского некрополя и домов из пригорода этого городища, также не всегда отличаются тонкостью выделки и изяществом декоративного оформления (*Ставиский и др.*, 1953. Рис. 7, 12, 15; *Большаков, Негматов*, 1958. Рис. 14). Тем не менее в них видна опытная рука ремесленника, привычная к изготовлению данного вида изделий.

⁵ Следует отметить, что некоторые согдийские оссуарии имели длину, близкую к размерам дальварзинского. Так, М. К. Пачосом опубликовано костехранилище из Самарканда длиной 70 см, правда, при вдвое меньшей высоте — 23,5 см (*Пачос*, 1973. С. 112, рис. 1). По данным В. С. Минасянца, размеры чачских оссуариев из Тойтепинского оссуарного некрополя в Ташкентской области колеблются по длине от 32 до 64,5 см, по ширине от 21,5 до 35 см и по высоте от 30 до 43,5 см (*Минасянц*, 1990. С. 76).

⁶ Возможно, через Дальварзин группа согдийских купцов направлялась с караваном своих товаров на юг, за Гиндукуш, или возвращалась обратно. Как известно,

месте бывшей цитадели процветавшего некогда огромного кушанского города⁷. Его спутники, стремясь к тому, чтобы их земляк был погребен в соответствии с оссуарным обрядом, который принят на их родине, ищут возможность, как это сделать, ибо обряд местных зороастрийцев — трупоположение в склепе, вырубленном в оплывших остатках городской стены,⁸ — для них неприемлем. Пока тело было выставлено на съедение птицам-падальщикам (возможно, на верхней площадке какой-то из башен заброшенного города), согдийцы обратились к местному гончару, специализировавшемуся на изготовлении крупных тарных сосудов, называемых в среднеазиатской археологии хум. Они объяснили ему, что им нужен керамический ящик примерно таких-то размеров, у которого должны быть крышка и зубцы вдоль устья, имитирующие архитектурный декор (многие согдийские оссуарии, в особенности классические костехранилища «биянайманского или иштиханского типа», имитируют архитектурное сооружение, украшенное мерлонами). Хотя бы на одной — фасадной — стенке должен быть рельефный декор с изображением зороастрийских божеств или ритуальных сцен. Судя по всему, заказ был принят. Полагаю, что именно такой, сделанный по описанию, без реального знания того, как выглядят настоящие костехранилища, оссуарий и был найден в склепе № 1 на раскопе ДТ-32. Характерно, что глина, из которой он сделан, была, видимо, недостаточно пластичной, по этой причине оттиски с фигурой Шахревара получились не очень четкими. Но сам факт, что местный гончар смог, пусть довольно безыскусно, удовлетворить и это пожелание заказчиков, очень показателен.

в верховьях Инда, в местности под названием Салпан-зиёрат на реке Шатиал, выявлены многочисленные согдийские надписи и тамги, оставленные купцами, торговавшими с Индией (*Jettmar*, 1989. Р. XVIII, XLVIII, XLIX; *Sims-Williams*, 1989. Р. 131–137).

⁷ Город был заброшен после разгрома, учиненного либо хионитами в IV в., либо эфталитами в V в. н. э.

⁸ Сырцовый кирпич крепостной стены, в которой вырубался склеп, или кирпичная/пахсовая платформа науса, на которую укладывали покойного, полы заброшенных пещер и помещений, в которых устраивали коллективные погребения, не считались плодородной землей, которую нельзя было подвергать осквернению, поэтому зороастрийцев Бактрии/Тохаристана обряд трупоположения вполне устраивал.

Относительно происхождения декора можно допустить два возможных варианта. Первый вариант: согдийцы — заказчики оссуария — передали гончару, выполнявшему их заказ, терракотовую плакетку с образом одного из *Амеша Спента* зороастрийского пантеона, предположительно, Шахревара, который они возили с собой. Гончар использовал образок в качестве матрицы, с которой он изготовил калыб-матрицу, обжег ее и применил в качестве штампа для украшения оссуария. А затем стал тиражировать этот образ на Дальварзинтепа в виде плакеток, которые были найдены на цитадели. В пользу возможности этого варианта говорит тот факт, что фрагмент аналогичного терракотового образка был найден на городище Сарыктепа в Яккабагском районе Кашкадарьинской области Узбекистана, то есть в Кеше (Южный Согд) (Лунина, 1990. С. 47, рис. 4), непосредственно соседствующим с Северо-Западным Тохаристаном.

Второй вариант: как известно, процесс массового производства терракотовых плакеток и статуэток был в значительной мере облегчен благодаря технологии их изготовления, а именно, оттискивания с помощью односторонней матрицы. В связи с этим именно гончары, а не художники-коропласты, тиражировали терракоты при наличии спроса на них. Находки нескольких

аналогичных плакеток на цитадели показывают, что образ Шахревара был популярен в данной местности — Чаганиане, владении в среднем и верхнем течении Сурхандарьи (Чаган-руд). И в связи с необходимостью украсить заказанный согдийскими гостями оссуарий мастер-гончар использовал имевшуюся в его распоряжении матрицу, с помощью которой он тиражировал плакетки с образом популярного в Тохаристане и Согде зороастрийского божества. Плакетка с Шахреваром была затем увезена согдийцами на родину, где, в свою очередь, могла послужить прототипом для тиражирования образков, один из которых найден на Сарыктепе.

Какую бы версию событий не принять, наиболее важным нам представляется вывод о том, что публикуемая здесь находка позволяет без искажения фактов реконструировать некоторые события, которые, возможно, происходили много веков назад на руинах когда-то цветущего города, и увидеть за громоздким керамическим изделием человеческую историю. Ее можно назвать трагической, так как она связана со смертью человека на чужбине. А можно назвать и оптимистической, поскольку, в конечном итоге, взаимопонимание соседних народов позволило захоронить его останки в соответствии с требованиями религии и погребальных обрядов его родины.

Абдуллоев, 2015 — Абдуллоев Д. Раскопки некрополя городища Шуробкурбан на юге Узбекистана // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура / Под ред. В. П. Никонорова и В. А. Алёшкина. СПб.: Контраст, 2015 (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III (XXVIII); Тр. ИИМК. Т. XLV). С. 15–26.

Альбаум, 1966 — Альбаум Л. И. Городище Дальверзинтепа // ИМКУ. 1966. Вып. 7. С. 47–65.

Болелов, 1999 — Болелов С. Б. Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана // Материальная культура Востока / Ред. Л. М. Носкова, Т. К. Мкртычев. М.: Компания Спутник+, 1999. С. 39–60.

Большаков, Негматов, 1958 — Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. 1958. № 66. С. 155–192.

Горин, 2007 — Горин А. Н. Монеты из второго раннесредневекового могильника Дальверзинтепа // Трансоксиана — Мавераннахр: Сб. ст. / Отв. ред.

Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во журнала San'at, 2007. С. 87–93.

Дуке, 1975 — Дуке Х. Новый могильник тюркского времени на юге Узбекистана // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 76.

Ильясов, 1997 — Ильясов Дж. Я. Мелкая пластика // МПИ. 1997. Вып. 1. С. 43–48, 83–86.

Ильясов, 1999 — Ильясов Дж. Я. Шахревар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Материалы Междунар. конф. в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 141–142.

Ильясов, 2000 — Ильясов Дж. Я. Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Председатель ред. коллегии О. Н. Иневаткина. М.: Гос. музей Востока, 2000. С. 155–158.

- Ильясов, 2006 — Ильясов Дж. Я. Погребения в керамических саркофагах на Дальварзинтепа // МТЭ. 2006. Вып. 6. С. 137–145.
- Ильясов, 2011 — Ильясов Дж. Я. Раскопки на Северном некрополе Дабиль-Кургана // МТЭ. 2011. Вып. 8. С. 122–152.
- Ильясов и др., 1997 — Ильясов Дж. Я., Русанов Д. В., Восковский А. А. Саркофаг из Дальварзинтепа // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития / Отв. ред. Т. Б. Гафурбеков. Ташкент: Ин-тут искусствознания, 1997. С. 37–40.
- Козловский, Шейко, 1989 — Козловский В. А., Шейко К. А. Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза // Краеведение Сурхандарьи: Сб. ст. / Под общ. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 52–62.
- Лунина, 1990 — Лунина С. Б. Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока: Изобразительное и прикладное искусство / Под ред. Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1990. С. 45–52.
- Минасянц, 1990 — Минасянц В. С. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области, история комплектования коллекции, их иконография и символика // Там же. С. 71–85.
- Мкртычев, Ильясов, 2005 — Мкртычев Т. К., Ильясов Дж. Я. Терракотовые плакетки из Тохаристана // Центральная Азия: источники, история, культура: Материалы Междунар. научной конф., посв. 80-летию д-ра ист. наук Е. А. Давидович и действительного члена АН Таджикистана, академика РАЕН, д-ра ист. наук Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература, 2005. С. 497–523.
- Мустафакулов, 2006 — Мустафакулов С. И. Антропологические материалы из Чингизтепа и буддийского центра Каратепа // АИУ. 2006. Вып. 5: 2004–2005 гг. С. 164–171.
- Пачос, 1973 — Пачос М. К. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 году // Афрасиаб. Вып. 2 / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1973. С. 110–116.
- Пидаев, Като, 2004 — Пидаев Ш. Р., Като К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // АИУ. 2004. Вып. 4: 2003 г. С. 147–158.
- Пидаев, Като, 2006 — Пидаев Ш. Р., Като К. Археологические исследования в буддийском культовом центре Каратепа // АИУ. 2006. Вып. 5: 2004–2005 гг. С. 183–191.
- Ртвеладзе, 1986 — Ртвеладзе Э. В. Средневековый могильник Бит-тепе в Чаганиане // СА. 1986. № 4. С. 194–209.
- Ртвеладзе, 1989 — Ртвеладзе Э. В. Погребальные сооружения и обряд в Северном Тохаристане // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С. 53–72.
- Ртвеладзе, 2004 — Ртвеладзе Э. В. Наусы Шуроб-кургона // МТЭ. 2004. Вып. 4. С. 73–75.
- Русанов, 2000 — Русанов Д. В. Итоги раскопок на объекте ДТС-4 // МПИ. 2000. Вып. 4. С. 5–7.
- Соловьев, 1997 — Соловьев В. С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец: Елецкий гос. пед. институт, 1997. 292 с.
- Соловьев, 2007 — Соловьев В. С. Искусство раннесредневекового Тохаристана. Елец: Елецкий гос. университет, 2007. 130 с.
- Ставиский и др., 1953 — Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // МИА. 1953. № 37. С. 64–98.
- Тургунов, 1999 — Тургунов Б. А. Раннесредневековый могильник на городской стене Дальварзинтепа // МПИ. 1999. Вып. 3. С. 30–42.
- Тургунов, 2007 — Тургунов Б. А. Находка первого оссуария в Северной Бактрии (предварительное сообщение) // Трансоксиана — Мавераннахр: Сб. ст. / Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Изд-во журнала San'at, 2007. С. 194–197.
- Jettmar, 1989 — Jettmar K. Introduction // Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies. Vol. 1: Rock Inscriptions in the Indus Valley. Text / Ed. K. Jettmar, in collaboration with D. König and V. Thewalt. Mainz: Philipp von Zabern Verlag, 1989. P. XI–LVII.
- Sims-Williams, 1989 — Sims-Williams N. The Sogdian Inscriptions of the Upper Indus: A Preliminary Report // Ibid. P. 131–137.
- Tanabe et al., 1997 — Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dalverzin Tepe, 1996 // Bulletin of the Ancient Orient Museum. Tokyo, 1997. Vol. XVII (1996). P. 101–122.
- Tanabe et al., 1998a — Tanabe K., Hori A. et al. Excavations at Dalverzin Tepe, Uzbekistan, 1997 // Ibid. 1998. Vol. XVIII (1997). P. 157–212.
- Tanabe et al., 1998b — Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1998 // Ibid. 1998. Vol. XIX. P. 73–140.
- Tanabe et al., 2000 — Tanabe K., Hori A. et al. Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1999 // Ibid. 2000. Vol. XX (1999). P. 101–162.
- Tanabe et al., 2001 — Tanabe K., Yamauchi K. et al. Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 2000 // Ibid. 2001. Vol. XXI (2000). P. 89–151.

An ossuary from the urban settlement site of Dal'varzintepa

J. Ya. Il'yasov⁹

In 2006, a ceramic ossuary was found at the urban settlement site of Dal'varzintepa located in the south of Uzbekistan. It was in an underground crypt cut into the thickness of a fortress wall of the Kushan-era city. By the 7th–8th centuries AD, when the burial had apparently been made, swollen walls of Dal'varzintepa were used for a necropolis by inhabitants of the early medieval settlement that had formed on the place of the earlier citadel. For Northern Tokharistan, which embraced the valley of the Surkhandarya (Chagan-rud), the use of ossuaries in funeral rites was not typical. There, during the early Middle Ages, burials were made in crypts cut into the slopes of natural hills — as, for example, at Bittepa in the Uzun district of the Surkhandarya region, or into the thickness of swollen fortress walls — as at Dal'varzintepa, or in abandoned Buddhist caves, living quarters, corridors and towers — as at Karatepa, Chingiztepa and «Kurgan» in Old Termez, or in specially built burial structures. In some necropolises there were uncovered burial mounds with traces of cremation. Known also are burials in large vessels (*khums*) and rare cases of using ceramic coffins and boxes. The ossuary from Dal'varzintepa is interesting not only because of its uniqueness for this region. It was decorated on the facade with seven identical stamps each depicting a personage encased in full armour and armed with a spear in his right hand and a sword on his left side.

It is this personage that is embodied on terracotta plaques found in the course of excavations at the early medieval settlement on the citadel of Dal'varzintepa in 1996–2000. If to summarize all the data, then the following assumption arises: the ossuary, which is absolutely not typical for the funeral rites of Tokharistan, may have been made by a local potter. He could receive both an order and description of the object in question from the Sogdians who, due to circumstances, found themselves there at the moment when their fellow countryman died. The master fulfilled the order by using all the possibilities available to him.

⁹ Jangar Il'yasov — Institute of Art Studies / Fine Arts Institute AS of The Republic of Uzbekistan; Mustakillik Maydoni, 2, Tashkent, 100029, Uzbekistan; e-mail: jangaril@hotmail.com.